

Подлинная вера в Благоую весть предполагает стремление ею делиться, и в этом — источник нашего стремления к христианскому свидетельству миру. Сегодня многие христианские церкви и объединения проявляют миссионерскую активность, нередко являя поистине чудеса самоотвержения и работоспособности. Остро встал «миссионерский вопрос» и в Русской православной церкви, в том числе на официальном уровне. Однако реальность все более требует постановки и решения вопроса о самой сущности христианской миссии. Все большие сомнения возникает относительно того, что ее можно просто приравнять к совокупности действий, направленных на увеличение числа адептов церквей, обходясь без более глубоких критериев ее качества и успеха. Определить же реальный успех миссии и то, какую миссию можно считать успешной, в свою очередь, невозможно без пристального глубокого внимания не только к «побелевшим нивам», но и к самим делам, т.е., иными словами, не только к состоянию сложного и противоречивого современного мира, но и к состоянию самого христианства, при усилиях в этой области со стороны представителей всех конфессий. Предлагаемые заметки, возможно, весьма фрагментарны и, в любом случае, не могущие претендовать на всестороннее раскрытие проблемы, родились как попытка размышлять в этом направлении, во многом стимулировала их и недавно прошедшая конференция «Свобода — дар Духа и призвание в церкви и обществе».

Не секрет, что христианство в нашем некогда христианизированном мире часто не воспринимается всерьез или совсем отторгается, и миссионерские задачи в нем, как и в свое время при столкновении с утонченной и развитой эллинской культурой, оказываются тесно связанными с апологетическими. Правда, ситуация так называемого «постхристианского» мира по сравнению со II–III вв. представляется еще более сложной и парадоксальной. Прежде всего, современному христианству приходится являть свое лицо в условиях **тотальной взаимосвязи и взаимопроникнутости**, когда известная основанная на словах из молитвы Христа Отцу о Своих учениках максима «быть в мире и не от мира» (Ин. 17:14–18) приобретает особую актуальность. Процесс, интенсивно начавшийся при отцах-апологетах, уже очень давно достиг той стадии, когда, даже в условиях сегодняшней потери им статуса господствующей идеологии, можно с уверенностью сказать, что никакой стерильной, наглухо закупоренной от мира христианской традиции не существует. Сколь-либо значимые церкви менее всего похожи на первохристианские общины (не говоря уже о есеевских) в плане активности взаимодействия с миром, разделяя, помимо прочего, язык и достижения общечеловеческой науки, а нередко и внося в нее свой весомый вклад. Обратное — эскапизм и изоляционизм — гарантировало бы сегодня полное вырождение.

Далее, христианство в этой ситуации имеет дело не с язычеством, пусть и утонченным, а с им же самим порожденным «постхристианством», ценности и критерии которого, иногда и в случаях атеизма или агностицизма, сами во многом базируются на Евангелии и христианской нравственности (ведь не поворачивается язык назвать Эриха Фромма или А.Д. Сахарова безнравственными с христианской точки зрения людьми). Не всегда просто видеть и сказать, где духовный градус выше: в среде институционального христианства или за ее пределами, в этом, по определению Дитриха Бонхёффера из его знаменитых писем другу из нацистской тюрьмы, «совершеннолетним» мире. Недаром современные католики, наследуя мысль Карла Ранера, все-таки задумываются о феномене «анонимного христианства» как свидетельстве того, что действие Божье не ограничивается только сознательно исповедующими Его людьми. Порой именно по христианским в своей сути критериям «люди века сего» предъявляют счет верующим, так что дать, по словам ап. Павла, отчет

СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ РАЗУМНО И ВМЕСТЕ

Вызовы времени, императив миссии и христианское единство

о своем уповании бывает не так просто. Возможно, это и есть основной вызов эпохи. Не случайно приобретший в последнее время известность англиканский миссионер Никки Гамбл начинает свою евангелизационную программу «Альфа-курс» с раздела, специально посвященного ответам на типичные обвинения в адрес христианства, звучащие совсем в другой тональности и, соответственно, отражающие иной колорит времени, нежели обвинения первохристиан в принятии в жертву младенцев, свальной грехе и поклонении ослиной голове. Сегодня христианство обвиняют не в мифологических злодеяниях, а, если можно так выразиться, в экзистенциальных пороках: «скучно, лживо, ненужно». К перечисленным неслетным характеристикам, пожалуй, следовало бы добавить еще и четвертую — «опасно»: сегодня заметна тенденция к переходу от индифферентизма к настороженности в отношении веры в Бога, в которой видят источник фанатизма и напряженности (отсюда, например, начавшиеся в ряде стран Европы, таких, как Франция, попытки ограничить присутствие религиозных атрибутов в школах и других учреждениях). И, если стремиться быть честным, то невозможно, даже и не соглашаясь с таким отношением, назвать его бесспорным. **И по сей день в сознании многих верующих убежденность в существовании конечных истин с трудом совмещается с умением и стремлением понять другого.** В этом, используя выражение философа А.В. Ахутина, один из соблазнов религии. Экспессы погромов выставок, кинотеатров и др. людьми, идентифицирующими себя как христиане, способны лишь подтвердить это и укрепить страх перед проявлениями серьезной веры.

Все это проблемы не какой-то одной из христианских конфессий, но христиан в целом, а значит, и общие вызовы всем нам, и отвечать на них православные, католики и протестанты «обречены» вместе. Что же имеется в арсенале у конфессий для ответа на эти вызовы и для миссионерства в имеющихся условиях? Известно, какие «механизмы» обращения действуют на практике. Помимо все более дающей сбой передачи веры «по традиции», по наследству, т.е., фактически по инерции, существует и, осознанно или неосознанно, используется миссионерами «чисто религиозный фактор» — назовем так общую для всех религий функцию преодоления многообразных кризисов, вызванных неудовлетворенными человеческими потребностями: в принятии, утешении (в том числе и в первую очередь перед лицом смертности), уверенности, смысле жизни, ориентации в жизненном пространстве, идентичности, иногда даже занятости и пр. Однако, как следует из только что сказанного, по большому счету ничего специфически христианского здесь нет, да и весь этот «набор услуг» человеку, открытый и проанализированный преимущественно светскими религиоведами, дает повод критикам христианства для определения его как религии слабых, «духовного костыля», средства для решения психологических проблем. Бывает, и сами христиане не очень с этим спорят. Тот же Д. Бонхёффер в тех же высказываниях такую миссию, когда уверенному, довольному и счастливому человеку с напором стремятся доказать, что в действительности он несчастен и ушербен и только с верой в Бога обретет избавление от всех проблем, и определял этот образ миссии как «попытку отбросить ставшего мужчиной человека на стадию переходного возраста». Слабый, ищущий утешения и одновременно агрессивный человек — вот не слишком привлекательный портрет верующего, вырисовывающийся в наши дни, с которым верующие готовы согласиться. И большая трудность состоит в том, что мы и сами знаем совсем не так много людей, ощущающих веру во Христа

как окрыляющую творческую силу.

Вместе с тем миссия, избегая «играть» на потребности людей в терапии и наивном утешении, должна утверждать христианство как отвечающее иным, более высокого порядка запросам. Христианская вера, если она истинна, должна идти навстречу прежде всего тем из потребителей и переживаний человека, которые являются неотъемлемыми и определяющими для самого человеческого существа, в то время как прочие (психологические и т.п.), если даже они и послужили причиной прихода человека в церковную общину, должны постепенно преобразоваться либо «сняться» в течение христианской жизни, в трудном и долгом процессе вырастания личности из «пеленок» этих проблем. Это выводит на **вопросы антропологического характера: какие человеческие запросы и переживания простираются из самой сущности человека, а какие — преходящие, привнесены и преодолимы.** Представляется, что к первому роду все же можно отнести потребность любить и быть любимым, потребность в

Апостолы Андрей и Петр.
Италия. XII в.

смысле существования, переживание смертности как чего-то недолжного. Впрочем, критики теизма порой оспаривают и подобные утверждения, относя и эти потребности в разряд психологических проблем, которые зрелая личность может решить сама, не прибегая к идее Бога.

Однако мы не вправе уходить от вопроса, не является ли это во многом следствием реального дефицита зрелых личностей среди верующих. Конечно, мы живем во время, когда оспариваться может все, что угодно. Скепсис и критицизм составляют ментальную и культурную доминанту наших дней. Однако не стоит спешить списывать каждый случай критики в адрес христианства на злостный нигилизм или безмысленные оппоненты. И в целом не следует смотреть свысока на неверующих как на заведомо неполноценных, зависимых людей, если только мы не хотим ограничить миссию обращением наркоманов или заключенных (среди которых, к тому же, есть очень много верующих). Миссионерский принцип должен стать общим принципом диалога: не считать оппонента априори хуже себя. Взгляд «христиано-скептика», даже если он, подобно Ницше, определяет себя анти-христианином — это далеко не всегда взгляд невежды, неудачника или человека злонамеренного или погрязшего в страстях. Часто это взгляд пронизывающий и чуткий и к преднамеренной фальши или «игре на понижение», и к искренней глупости. Взгляд, дающий повод задуматься о том, что для нас самих наша вера и какой мы являем ее миру — вопросы, от удачной ответа на которые наше свидетельство только выиграет.

И если уж говорить о миссии в связи с христианским единством, нельзя не заметить, что важнейшим фактором, дискредитирующим веру во Христа, являются и продолжающиеся межконфессиональные распри. Есть известное полное едкой иронии определение христианства как религии, разделившейся на множество сект, все из которых говорят о любви, но ненавидят друг друга. Конечно, в наше время многие прежде непреодолимые барьеры рушатся, но рецидивов розни еще хоть отбавляй: буквально на днях можно было наблюдать в одном из московских районов то, как некие православные активисты вышли на пикет против строительства баптистского Русско-американского образовательного центра. Еще много между всеми нами недоверия и предрассудков. В наиболее расхожей версии, к примеру, православного «сравнительного богословия» это набор негативных суждений относительно инославия, на удивление стойких, не меняющихся десятилетиями и веками. Неправославные исповедания предстают некими статичными, замкнутыми в себе системами, в которых если что и меняется, то только внешне, не затрагивая врожденных пороков. Православные давно выучили, что у католиков глава церкви не Христос, а папа, что все протестанты иконоборцы и вдобавок страшные индивидуалисты и что вообще все западное христианство — сплошной юризм. Вряд ли неразумно предположить, что и другие исповедания остаются не свободными от аналогичного подхода — века разделений даром не прошли. Заметим, что лучшее лекарство от подобных штампов восприятия — общение с реальными верующими других конфессий, из которого, конечно, не исключается и чтение.

Однако, истины и справедливости ради, следует отметить, что нет худа без добра и межконфессиональные баталии в истории дали и определенный положительный эффект, как дала его в своем роде и атеистическая критика, а ранее — вызов ересей. Какая-то доля истины, видимо, все же в споре рождается. Взаимные обвинения в юризмизме, клерикализме, уклонениях в идолопоклонство и пр. в известной мере стимулировали богословскую мысль и сформировали у многих устойчивое представление о том, что юризм, клерикализм и идолопоклонство, во-первых, действительно существуют, а во-вторых, и в самом деле нетерпимы и являются собой ту самую «игру на понижение» качества христианского благословия. Многие мыслящие христиане всех исповеданий осознают необходимость преодоления примерно одних и тех же дефектов веры: косности, нетерпимости, приоритета внешнего над внутренним, магизма, социо- и антропоморфизма, излишней механистичности или, наоборот, излишней органичности богословских аналогий (что на самом деле две стороны одной медали, поскольку обе тенденции дают крен в представлениях о Боге и человеке в сторону детерминизма в ущерб свободе). Соответственно, ощущается стремление к экзистенциальности как апелляции к самим основам существования и к выражающим их понятиям, таким как личность, любовь, свобода, смысл. Есть основания полагать, что мыслящие нехристиане и неверующие, по сути, от того же отталкиваются и к тому же стремятся.

В качестве примера успешного диалога, пожалуй, стоит назвать здесь вышедший в 80-х гг. прошедшего столетия и уже ставший классическим труд православного богослова митр. Иоанна (Зизиуласа) «Бытие как общение»¹, со стороны традиции восточнохристианского богословия идущий навстречу экзистенциализму и персоналистическим поискам философской мысли XX в. Одновременно митр. Иоанн (Зизиулас) подчеркивает насущную необходимость тесного сотрудничества восточной и западной церковных традиций в поиске ответов на богословские вызовы времени и при этом сам являет такой при-

Продолжение на с. 2

¹Переведен на русский язык и издан в СФИ в этом году

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ-ЦЕРКОВЬ ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ ПОСЕТИТ БОЛЕЕ 30 СЕЛ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

15 августа благотворительный медико-просветительский православный корабль-церковь «Андрей Первозванный» отправился из Новосибирска в свой десятый рейс. Как 11 августа рассказали в пресс-службе администрации Новосибирской области, за две недели корабль-церковь планировал посетитб более 30 отдаленных сел области.

Организаторами деятельности «Андрея Первозванного» выступили администрация Новосибирской области и Новосибирская епархия Русской православной церкви. Главная цель миссии — оказание жителям отдаленных сел духовно-социальной и материальной помощи.

В благотворительной акции участвуют представители органов социальной защиты области, медицинские работники, священнослужители.

За время своей поездки корабль-церковь посетит села Сузунского, Ордынского, Искитимского, Новосибирского районов. По прибытии в населенный пункт для жителей планируется организовать приемы социального педагога, психолога, нарколога и геронтолога; проведение функциональной диагностики (УЗИ и ЭКГ); безвозмездную передачу медикаментов для фельдшерско-акушерских пунктов; концерты духовных песнопений православного творческого хорового коллектива; продажу очков по доступным ценам.

Также все желающие смогут принять таинства Крещения, Причастия, Исповеди, индивидуально побеседовать со священником, получить святую воду, приобрести духовную литературу.

ЖЕСТОКИЕ ГОНЕНИЯ НА ХРИСТИАН СО СТОРОНЫ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСЛАМА НАЧАЛИСЬ В ЭФИОПИИ

Западная часть Эфиопии близ границы с Суданом стала еще одной горячей точкой в отношениях между мусульманами и христианами, сообщает EAI со ссылкой на международную организацию «Мученики церкви». Местные мусульмане хотят утвердить свою веру количеством мечетей: они намерены через каждые два километра построить мечеть. Это приводит к конфликтам с христианской частью населения, часто весьма жестоким. Так, недавно был сожжен дом миссионера, а мужчина-мусульманин, перешедший в христианство, был распят.

Христианские правозащитники одновременно отмечают крайнюю скудость информации из этого региона. По их мнению, многие люди просто предпочитают молчать, опасаясь мести.

Почти половина жителей Эфиопии исповедует ислам, около 40% принадлежат к православной церкви Эфиопии - дохалкидонской по догматике и близкой к коптской церкви Египта. Около 10% эфиопов — лютеране, католиков в стране очень мало.

ВЕРХОВНЫЙ СУД ИНДИИ РАЗРЕШИЛ АРЕСТОВЫВАТЬ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В ПРОЗЕЛИТИЗМЕ

Верховный суд Индии принял 4 августа постановление, разрешающее полицейским арестовывать всех подозреваемых в религиозном прозелитизме, сообщает «Благовест-инфо» со ссылкой на CNA и ENI. Согласно решению судей, блюстители порядка не нуждаются в санкциях суда для того, чтобы задержать религиозных лидеров или простых верующих, проповедующих свою религию.

В ряде индийских штатов действуют законы по противодействию «насильственному» обращению граждан в ту или иную религию. На деле эти законы направлены против проповеди каких-либо религий, кроме индуизма — они сильно осложняют процесс перехода из одной веры в другую и грозят наказанием проповедникам и самим новообращенным.

В конце июля законодатели штата Мадхья-Прадеш приняли поправки к местному закону о свободе вероисповедания. Новая редакция закона требует, чтобы желающие перейти в другую веру сообщали об этом властям за месяц до предполагаемой церемонии. В случае нарушения этого и других положений закона гражданам грозят штрафы и даже уголовное наказание — вплоть до пяти лет тюрьмы. Исключение сделано только для «возвращения» в индуизм — обращаться в эту религию можно абсолютно свободно.

СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ РАЗУМНО

Продолжение. Начало на с. 1

мер, плодотворно используя в своей книге труды католических и протестантских авторов.

В то же самое время общее сознание конфессий зачастую остается инерционным и, выраженное в катехизической и другой вероучительной литературе, продолжает воспроизводить средневековые представления о предметах веры. Это имеет самое прямое отношение к миссионерской проповеди: ведь в какого Бога мы верим сами, того и проповедуем людям, и какого человека мы себе представляем, того, в общем, и являем. Здесь опять же немало поводов для совместной рефлексии. Как, например, понимается нами то важнейшее положение веры, что Христос умер за грехи людей? Для ответа можно попытаться проанализировать ряд издаваемых в настоящее время православных, католических и протестантских текстов разного возраста: от XIX в. до наших дней и убедиться, что большинство из них предпочитают трактовку этой истины в духе средневековой «заместительной теории искупления», гласящей, что Богу для удовлетворения Его справедливости непременно была нужна чья-то смерть, и именно по этой причине Сын Божий взошел на крест, т.е., попросту говоря, Бог этим выплатил за людей Самому Себе штраф. Нетрудно предположить, что в своей миссионерской проповеди христиане, если им привит этот взгляд, его же и несут окружающим. Легко предугадать и то настроение, с каким будет встречена (а, на самом деле, уже давно встречается) такая проповедь думающими людьми.

С другой стороны, из того же результата можно извлечь урок и в области межконфессиональных отношений. Те немногие из рассматриваемых текстов, где смерть Спасителя трактуется по-иному, в духе греческих отцов первого тысячелетия (Христос, взяв на Себя в Воплощении нашу природу, был убит грехами людей, но Своим Воскресением приобщил эту природу к Своему бессмертию), при всем желании также невозможно разделить по принципу «Восток — Запад». Такой взгляд выражен и у православного епископа Александра (Семенова-Тян-Шанского), и у англианина Клайва Льюиса. Это само по себе свидетельствует о том, что сегодня невозможно с чистой совестью именовать такой взгляд «православным», а юридический подход — «западным»: подобное заявление способно привести прежде всего к ответному указанию нам на то, что реально бытует и процветает в православии. Безусловно, является правдой то, что именно греческим отцам как наследникам глубочайшей философской школы удалось в первом тысячелетии сформулировать на удивление тонкое, свободное от неглубоких антропоморфных аналогий выражение сущности христианской веры. Но этот высокий взгляд, пусть и появившийся в конкретных традиции, месте и времени, все же принадлежит неразделенной Церкви.

Глубокий подход не приватизируем какой-либо исторической конфессией. В самых разных церковных традициях, пусть, возможно, и в разной степени, имеются свои «high church» и «low church» («высокая» и «низкая» церковь), и задача «поднятия высоты» всех традиций является и миссионерской задачей. Думается, что для ее решения особенно важно стараться преодолеть многовековую историческую инерцию попыток во что бы то ни стало доказать свои конфессиональные преимущества. От конкуренции следует переходить к сотрудничеству. И это еще одна задача, решение которой способствовало бы тому, чтобы проповедь Благой Вести звучала в этом мире достойно, а не дискредитировала саму эту Весть воспроизведением старых распри и обветшалых доктрин.

Дмитрий МАТБЕЕВ

Африканцы приносят христианство на светский Запад

В XIX веке западные миссионеры принесли христианство в Африку. А теперь кенийский пастор Патрик Мухоли приносит его на Запад.

Когда этот англиканский священник решил стать миссионером, он мечтал проповедовать отдаленным африканским племенам. Но вместо этого он живет в маленькой квартирке прямо над забегаловкой, где продают кебаб, в одном из самых густонаселенных жилых кварталов Британии, и рассказывает о своей вере местным тинэйджерам.

«Они задают мне сложные вопросы, например такие: нужно ли верить в Бога, чтобы стать vicarием? Или — какой смысл жениться, если все равно когда-нибудь разведешься?» — смеется Мухоли, который носит простую футболку и четки на запястье.

Сегодня, когда посещаемость церквей в Европе падает, полные жизни протестантские Церкви Африки посылают много таких, как Мухоли, на Запад, чтобы они завоевывали души людей и оживляли собой пустующие храмы — ирония судьбы, которая перевернула ситуацию с миссионерами XIX века с ног на голову.

Некоторые пытаются привлечь прихожан более «оживленными» службами или обещаниями чудесных исцелений, другие уделяют внимание помощи нуждающимся. Некоторым удалось обратить в христианство тысячи людей, тогда как другие — такие как Мухоли и его жена — сражаются за каждую душу.

Многие африканские миссионеры считают, что западные Церкви слишком «робкие». «Церковь в Соединенном королевстве стала стесняться своей веры», — говорит Мухоли, которого наняло англиканское Церковное миссионерское общество. Священник встретился с корреспондентом Reuters в Блекбёрд-Лейсе — бедном квартале на окраине Оксфорда, очень далеко от всемирно известного университета.

«Может быть мы, как миссионеры из Африки, можем воодушевить людей, чтобы они могли более бурно стремиться к знанию о Боге», — говорит священник, который до переезда в Англию (страну, в которой он до этого никогда не бывал) работал в Момбасе.

ИЗ ЦЕРКВЕЙ В НОЧНЫЕ КЛУБЫ

Африканские проповедники впервые начали переезжать в Европу и США в 1970-е годы: тогда их задачей было служить местным общинам эмигрантов из их собственных стран.

Но уже в 80-е африканские евангелисты, в том числе англикане, баптисты, лютеране и методисты решили применить более «системный» подход к Западу, который, как виделось им, становился все более и более безбожным.

«Мы не могли просто поднимать руки к небесам и молча смотреть, как церкви превращаются в ночные клубы или мечети», — заявил в телефонном интервью Reuters Токунбох Адейемо, бывший генеральный секретарь Ассоциации евангеликов Африки.

Дадли Пейт — зимбабвиец, живущий в Найроби. Он работает на англиканскую организацию African Inland Mission. По его мнению, африканские Церкви просто подчиняются евангельскому призыву распространять свою веру, тогда как Церкви на Западе очень часто этот призыв игнорируют.

«Африканская Церковь очень серьезно относится к повелению Христа донести Евангелие до всех народов. На западе этому мешают политкорректность и благодушие», — говорит Пейт.

ТАНЦЫ В ЦЕРКВИ

Африканские миссионеры, как направленные своими собственными Церквями так и приглашенные западными организациями, гордятся своими успехами в Европе.

Нигерийский пастор Сандей Аделаджа основал на Украине церковь «Посольство Божье», он проповедовал и заставлял танцевать около 25 000 верующих, по большей части — белых. В результате его церковь стала одной из самых крупных в Европе.

А другая община из Нигерии — «Искупленная Церковь Бога», которая собирается построить свой храм «в пяти минутах езды от любого места в мире», имеет свои представительства почти в 40 европейских странах.

Одна из самых крупных евангелических церквей в Европе находится на востоке Франции. Церковь, которую основали африканцы, привлекает тысячи верующих каждую неделю.

Однако в Блэкберд-Лейсе для того, чтобы привлечь души людей к вере, недостаточно одного только африканского напора.

За три года работы с подростками в молодежном клубе и в школах Мухоли и его жена все еще ждут своего первого обращенного в христианство.

«В Кении очень легко начать гордиться, просто посчитав количество новообращенных христиан. А здесь ты вкладываешь очень много усилий для того, чтобы получить едва заметный результат», — говорит священник.

Жизнь в районе, где безработные молодые люди целыми днями курят марихуану на расписанных граффити лестницах и где большинство детей растут в семьях с одним родителем, стала настоящим культурным шоком для Мухоли.

Он был очень удивлен поведением тинэйджеров, которые ругаются вслух и не проявляют почтения к старшим — у него дома в Кении принято, чтобы подростки уважительно вели себя по отношению к взрослым. Несмотря на то, что у Мухоли совершенный английский, ему было очень трудно понять сленг подростков и их произношение.

Иногда Мухоли сомневается в сообразности «миссионерского обмена» — африканские проповедники едут работать с подростками на британских улицах, а британские Церкви посылают миссионеров обращаться в христианство африканские племена, которых европейцы едва ли понимают.

Африканским Церквям лучше было бы сконцентрировать внимание на своем собственном доме — очень многие жители самого бедного континента в мире никогда не слышали об Иисусе Христе, считают некоторые.

«Европа уже слышала евангельскую весть. Мы должны смириться с тем, что некоторые люди отвергнут ее, и двигаться дальше», — говорит Руфус Ньянгатаре — кениец, который два года проработал с нигерийским миссионерским агентством Calvary Ministries в отдаленных районах на востоке Кении.

Но Мухоли считает, что ему, как африканцу и иностранцу, проще взаимодействовать с «забытыми» британцами из низшего и среднего класса.

«Нас, африканцев, принято считать бедными и слабыми», — говорит Мухоли. — Мы не приходим с властью и не обещаем всем решить все их проблемы, и поэтому люди здесь принимают нас».

Ребекка ХАРРИСОН, «Reuters», перевод Благовест-инфо